

Андрей Дансков

**Инга
ЛОЖИТСЯ
СПАТЬ**

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Андрей Дансков

Инга ложится спать

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Дансков А.

Инга ложится спать / А. Дансков — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Восемь коротких историй, которые могут случиться с обычными людьми, живущими самой обыкновенной жизнью. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Розовый мел	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Розовый мел

Ритке Беловой сегодня исполнилось пятнадцать. Тётька Файка Козлова всегда ставила её в пример своей дочери и Наташке Сизовой, с которыми Ритка дружила с первого класса.

– Ирка, вот смотри, Ритка-то всегда и спасибо скажет, и здрасте, и всего доброго, не то что ты... – Фаина Семёновна только что подарила Ритке от себя и дочки ободок для волос и электрические щипцы для завивки, и сейчас стояла, зажав в ладони стакан с красным вином. Она произносила тост, но как всегда не удержалась и стала хвалить Ритку.

– Тётъ Фай, Ирка тоже вежливая, так-то... – вмешалась Наташка, которая сидела рядом со своей матерью, грузной круглолицей поселковой аптекаршей Галиной Петровной. Мать дёрнула её за рукав: не лезь!

– Ну ма! Чо ты как эта! – Наташка надулась и закусила толстую нижнюю губу.

– Что ма? Ну что ты вечно “ма”? Вежливые они, ты гляди! Одна другой краше! Рит, хоть ты этим двоим объясни, что если с людьми по-человечески не разговаривать, так они и с тобой будут как черти-с-кем.

Наташкина мать закашлялась, поставила бокал с красным на стол и стала протирать салфеткой лицо. Она постоянно потела, когда говорила что-то важное, а другого она никогда и не говорила.

Все риткины дни рождения праздновали дома. Мать готовила курицу “на банке”, два салата и бисквитный торт. Гости всегда были одни и те же: Ирка, Наташка и их матери: Фаина Семёновна и Галина Петровна. В посёлке из называли Файка Кое-куда и Гал-Петровна. Прозвище “Кое-куда” иркина мать получила за привычку всегда убежать посреди разговора, сказав, что “ой, я ж забыла – надо ж забежать еще кое-куда!”. Обычно “кое-куда” заканчивалось у Ритки дома, где она с её матерью подолгу курила на кухне, допивая бесконечную настойку на морошке. Разговор у них был всегда один и тот же: “Ты Нинк, зря Сашку-то прогнала. Так-то хороший был мужик”. По нечетным дням случались вариации “Вот не зря ты, Нинк, своего выгнала – хороший-то хороший, да спасибо-то никогда и не скажет”. Ритка же просто сидела в комнате и тайком читала материны газеты “для взрослых”, которые та складывала в нижний ящик комода, накрывая пакетом с оплаченными квитанциями за квартиру.

Ритка слушала, как гудит Гал-Петровна, которая ушла на кухню помочь риткиной матери заправлять салаты. Ритке некуда было девать длинные худые руки: еды еще не принесли, сок она уже выпила, а тянуться через весь стол было лень. Ирка с Наташкой шептались и пинали друг друга ногами под столом, отчего в графине с соком не затихала тёмно-вишнёвая рябь. Тётька Файка шумно вздохнула, отхлебнула красного и что-то сказала себе под нос. Ритка услышала только “осподи былиб дровы се”.

– Девки, вы чи передохли тут все? – риткина мать высунулась в комнату из дверного проёма, – Не дозваться вас! Идите-ка помогите старшим!

Ирка и Наташка сползли со стульев и, свесив головы, пошли на кухню. Ритка осталась с тётькой Файкой.

– Да не мучайтесь вы уже, господа, сейчас мы посидим по-человечьи часик, да и пойдем. Нам кое-куда еще надо забежать.

– Тётъ Фай, да мы не мучаемся...

– Мучаетесь, что ты мне заливаешь-то? Матери вон иди заливай, а я вас вижу как через микроскоп. Что я, молодой что ли не была?

– Были, наверное.

– Наверное! Не наверное, а похлещце вашего еще, Маргарита Алексанна. Мы с твоей матерью в школе давали такого шороху, что Зинаида Иванна нас в кабинет не пускала.

– А Зинаида и вас учила? Да ладно?

– А то ты не в курсе. Учила, дай бог ей здоровья... – Фаина перекрестила стакан с вином, пригубила, громко чмокнула губами и хохотнула.

– А куда вы пойдете?

– Куда, куда? На Кудыкину гору, воровать помидоры! В баню мы пойдем, как будто не знаешь. Что вы, ей богу, как куры, что ни скажешь, всё мимо летит.

– А надолго?

– Тебя забыли спросить надолго или ненадолго! – это мать, цепляя косяк полным плечом, вносила блюдо с растопыренной курицей. – Не переживай, вам хватит!

Мать поставила курицу в центр стола. Наташка и Ирка внесли салатную свиту, распихали вокруг. Гал-Петровна мостила между тарелок две селёдницы с нарезанными полупрозрачными овалами огурцов.

– Ну, Рита, за тебя! – мать ухватила тонкую лапку бокала указательным и большим пальцами, – чтобы было у тебя всё, чтобы мужики в жизни нормальные попадались, а не шо попало. Поступить, отучиться, профессию получить...

Все звонко чокнулись, Гал-Петровна пролила вино в огурцы – “ничо-ничо, и так съестся!”. Ирка с Наташкой отдельно звякнули стаканами с соком. Риткина мать что-то уронила в декольте и поспешно стряхивала, раскачивая под тонкой лиловой блузкой большую амплитудную грудь. Ритке разрешили выпить немного вина. Ирка с Наташкой тоже оживились. Гал-Петровна начала протестовать, но тётка Файка решила, “да пусть, вон какие кобылы, по пятнадцать уже всем троим – всё равно выпьют где-нибудь. Кончилось детство, что уж”. Вино отдало часть красноты бледным риткиным щекам. Ей уже не казались такими скучными разговоры матерей, а Наташка с Иркой даже стали обсуждать с риткиной матерью своего одноклассника.

– Да тьфу на него – дерьма-то тоже! Был бы еще красавец! – риткина мать уже широко жестикулировала и прицокивала языком, заполняя паузы между предложениями, – Щербатый, как папаша его. Что ты, Ирка, в нём нашла...

– Тётъ Нин, ну он хороший... – ответила Ирка, сладко вытянув слово “хороший” в карамельную соплю.

– Хороший, накрылся калошей! – риткину мать в посёлке считали острой на язык. Те, кто поглупее, даже побаивались с ней говорить: обзубоскалит, обсмеёт, захохочет, “как ведьма, прости господи”.

Тётка Файка вдруг засуетилась, захлопала себя по бёдрам, забарабанила пухлыми пальцами по столу:

– Ну что, девушки, пошли попаримся, оставим молодежь, пусть сидят.

– Смотрите мне тут! – риткина мать поправила бусы и вылезла из-за стола.

– Да всё нормально, ма... – Ритка привычно произнесла всю фразу в одно слово. Наташка с Иркой закивали.

– К двенадцати – чтобы как штык дома была, если пойдете на улицу! – мать давала последние указания Ритке, пока Гал-Петровна пыхтела, пытаясь застегнуть молнию на сапоге, в который никак не хотела помещаться мясистая голень.

– А если... – хотела прощупать почву Ритка.

– Даже если я еще не приду – чтобы дома была!

– Хорошо, как свет загорится – я сразу приду.

– Придёт она. Ну Галь, ну что ты там возишься, как жук, дай помощи хоть! И главное: молчит сидит, пыхтит. Фай, поддержи-ка сумку!

Мать ловко умяла в сапог обвислую голень Гал-Петровны, длинно вжикнула молнией и отпустила сапог, который бухнулся каблуком об деревянный пол коридора.

– Всё, мы ушли. Тихо тут! – дверь хрустнула ручкой, в подъезде заклокотала Гал-Петровна, попадая в такт трём парам шумящих каблуков.

Ритка еще минуту постояла, подождала, когда хлопнет дверь подъезда, и тут же закрылась на внутренний засов.

– Ушли? – иркин прыщавый лоб выглянул из кухни.

– Сизова, чо там? – крикнула Ритка в комнату?

– Уже у поссовета идут, всё! – Наташка наблюдала за матерями у окна.

– Давай стол собирать... – Ритка взяла две тарелки и пошла на кухню.

Наташка с Риткой скатывали пыльный ковер, обнажая крашенный деревянный пол. Коричневая краска кое-где облупилась овалами, открывая болезненно-желтую древесину.

– Бля, а мел есть? – спросила Ирка.

– Вон в зеленой круглой коробке, там с нитками где-то, – ответила Ритка.

– Надо было со школы взять, – засомневалась Наташка.

– Да нах надо, есть же мел, говорю! – Ритка разозлилась.

– Вот, нашла! – Ирка присела на корточки и показала всем короткий огрызок розового мела.

– Ну пипец! Розовый! Девки, вы чо?! – Наташка со всего маху бухнулась на диван.

– Ну и чо? Ну и розовый, где сказано, что нельзя розовый? Хочешь – вон сгоняй до школы, попроси у технички! – Ритка отодвигала стулья, освобождая центр комнаты.

– Сама вот и сгоняй.

– Да всё! Давайте уже. Козлова, ты шторы закроешь или так и будешь стоять?

Ирка задернула шторы, проскрипев алюминиевыми кольцами по карнизу. Развернулась, натянула рукава кофты на костлявые кисти и переплела руки на груди так, как будто сильно замёрзла:

– А точно получится?

– Чо ты ссышь-то? Натах, рисуй уже давай!

Наташка слезла с дивана, уселась на колени и, крутясь по полу, начертила мелом большой круг – насколько хватило руки. Она поднялась, выпрыгнула за линию, уперлась ладонью в центр и стала вписывать в круг пятиконечную звезду.

– Одним концом к окну – на рассвет, – Ритка ходила вокруг, смотрела, чтобы линии везде оставались сплошными.

– Да знаю я, знаю!

Пентаграмма, нарисованная розовым мелом, получилась немного овальной. Ирка смотрела на неё и чесала бровь:

– Сизова, это же овал. Надо было одним радиусом делать...

– Вот и сделала бы! Чо я-то?! Это под твой рост вообще-то – ноги вон длинные, как палки.
– Короче! Ир, давай уже раздевайся, – Ритка торопилась, ей казалось, что матери пере-
думают и вернутся из бани.

– Да чо ты гонишь, ща, подожди...

Ирка наклонилась и стащила носок с левой ноги, немного поковыряла ноготь на боль-
шом пальце и сняла второй носок. Джинсы бросила на диван. Кофта с электрическим трес-
ком слезла через голову, спутав жидкие иркины волосы. Она осталась в черном лифчике с
ватным подбоям и серых трусах-шортах с широкой резинкой. Ритка копалась в другом конце
комнаты у книжной полки, перекладывая книги тяжелыми стопками на пол. Ирка приподняла
плечи, потёрла ими мочки ушей, расстегнула лифчик, наклонилась и одним рывком стащила
трусы. Вышагнула из серого комка ткани в центр комнаты. Её обсыпало колючими холодными
мурашками. Ладонки вспотели, оставляя на боках липкие пятна.

– На, завязывай, – Наташка протянула Ирке коричневый платок.

Ирка вошла в центр пентаграммы, завязала глаза и осталась стоять. Ей стало немного
легче: стыд отступил, когда она перестала видеть Наташку. Из темноты наташкин голос говорил
ей:

– Так, давай, ложись, я ноги и руки тебе поправлю...

Ирка легла. Доски давили на копчик, холодный пол как будто отталкивал Ирку. Ритка
спросила откуда-то совсем близко:

– Слушай, а ты точно девственница?

– Блин, ну Рит, ну чо ты! Ну конечно...

– Да я просто, мало ли чо... Давай палец. Наташ, где там скальпель матери твоей? Ага.
Ирка – я чуть-чуть, ты только не дергайся.

Ирка почувствовала тонкую полоску холода на указательном пальце и тут же теплую
пульсирующую волну. Чьи-то руки двигали её ноги, то подтаскивая на несколько сантиметров
влево, то отволакивая вправо.

– Капнула? Хватит? – спросил наташкин голос.

– Да, хватит, нормально. Зажги свечу, я прочитаю, – ответил риткин.

Ирка лежала звездой, вслушиваясь в мягкие покалывающие толчки в пальце и тихонько
размазывая накапавшую на пол кровь. С завязанными глазам казалось, что она сейчас взлетит,
нужно только зажмуриться еще сильнее, чтобы темнота подхватила покрытое мурашками тело.
В колене стрельнуло. Риткин голос зазвучал неожиданно, холодно, отдаваясь в доски пола,
растекаясь по хрящам, уходя в заледеневшие пальцы ног:

– Ксиат фирмаментум инус медио акваним эт сэпарат аквас аб аквис, квае супериус сикут
кваэ инфериус эт кваэ иуфериус сикут куае супериус...

Ирка зажмурилась, волосы на руках встали дыбом, где-то внизу живота вырос и рас-
плылся огромный теплый кратер, из которого по локтям и предплечьям – в пальцы – побежали
горячие иглы, добрались до шеи, поднялись к губам. Лицо свело.

– ... ад перпентанда пиракула реи униус. Сол ейус патер эст, луна матер ет вентус ханк...

Ирка выгнулась вверх, выпятив живот, одеревенелые локти больно уперлись в пол. Она
громко выдохнула комок слов, превратившийся в одно харкающее “х-ха-х!”, и потеряла созна-
ние.

– Ну что Файка, сходили помыться, блять?! – голос риткиной матери загрохотал прямо над иркиным ухом, – Ритка, дура, вы что, палец ей разрезали? Где книга? Где книга я тебя спрашиваю, дрянь такая!

– Мам, ну мы же просто хотели... – Ритка с Наташкой забились в угол дивана.

– Хотели, блять, они! Девчонку чуть не угробили! – мать растирала полотенцем мокрую Ирку, сидевшую в другом углу дивана.

Тётка Файка молча хлопотала вокруг дочери, брызгая попеременно то через одно, то через другое плечо какой-то мутной водой.

– А я тебе говорила, Нинк! Говорила! – тараторила Гал-Петровна, нехорошо поглядывая на Наташку, прижавшуюся к Ритке. Наташка первый раз видела обычно грузную и неловкую мать такой суетливой.

– Галя, ты только и делаешь, что говоришь! А эти дуры – сразу делают!

Риткина мать взяла старую затрёпанную книгу с каплей крови на открытом развороте, пробежалась глазами, осмотрелась.

– Галь, ты давай-ка неси зверобой, корень дягиля и черный клевер. Крови не надо – они тут и так всё заляпали. Фай, кладбищенский мел у меня в сумочке возьми. Нет, ну вы только посмотрите на них! Они, блять, розовым нарисовали! Розовым! Файка, где ты там – сотри этот позор, к чертовой матери... Как вы все в жаб-то не превратились?! Ритка, иди сюда. Сюда, я сказала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.